

ISSN 2542-2332 (Print)
ISSN 2686-8040 (Online)

2025 Том 30, №1

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2025

ISSN 2542-2332 (Print)
ISSN 2686-8040 (Online)

2025 Vol. 30, № 1

NATIONS AND RELIGIONS OF EURASIA

Barnaul

Publishing house
of Altai State University
2025

СОДЕРЖАНИЕ

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ
2025 Том 30, №1

Раздел I

АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ

Федорук О.А., Федорук А.С., Папин Д.В. Андроновский (федоровский) комплекс могильника Фирсово-14 (материалы раскопок 2020 г.)	7
Шишикина О.О., Советова О.С., Сирюкин И.В. «Поздние» изображения на курганных камнях тагарского могильника у горы Тепсей	29
Власкина Т.Ю. К изучению погребальной обрядности донских казаков: оформление могилы необработанными камнями и связанные с ними представления	47

Раздел II

ЭТНОЛОГИЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

Содномтилова М.М. Огонь в информационном пространстве тюрко-монгольских народов Сибири	70
Степанова О.Б., Караваев Э.Ф. Представления о времени в традиционном мировоззрении селькупов	86
Юша Ж.М. Защита жизни ребенка в обрядах и верованиях тувинцев России, Китая, Монголии: традиция и современность	100

Раздел III

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

Моради М. Астральная и мистерическая символика в зороастризме	113
Актамов И.Г., Бадмацыренов Т.Б., Цэцэнбилэг Ц. Буддизм и постсекулярное общество: социорелигиозные процессы в Монголии конце ХХ — начале ХХI в.....	137
Дударенок С.М. Религиозный ландшафт Хабаровского края в 1990-е гг.: особенности формирования и тенденции развития.....	151
Маркова Н.М., Аринин Е.И., Кузнецова Л.Э. Комплаенс, религионимы и конфессионимы до религий и конфессий: вызовы академическому религиоведению.....	170
Мусаев В.И. Польско-литовские противоречия в католических общинах в России в начале ХХ в.....	193
Юрганова И.И. О христианизации чукчей на страницах «Якутских епархиальных ведомостей»	210
Дашковский П.К., Траудт Е.А. Православные общины Бурятской АССР в условиях изменения советской вероисповедной политики во второй половине 1980-х — начале 1990-х гг.....	227
ДЛЯ АВТОРОВ	256

CONTENT

NATIONS AND RELIGIONS OF EURASIA

2025 Vol. 30, № 1

Section I

ARCHAEOLOGY AND ETNO-CULTURAL HISTORY

<i>Fedoruk O.A., Fedoruk A.S., Papin D.V.</i> Andronovo (fedorovo) complex of the Firsovo-XIV burial ground (materials of the 2020 excavations).....	7
<i>Shishkina O.O., Sovetova O.S., Siryukin I.V.</i> "Late" images on the burial stones of the Tagar burial ground near Mount Tepsey.....	29
<i>Vlaskina T.Yu.</i> The funeral rite of the Don Cossacks: raw headstones and related concepts	47

Section II

ETHNOLOGY AND NATIONAL POLICY

<i>Sodnompilova M.M.</i> Fire in the media scene of the Turkic and Mongolic peoples of Siberia	70
<i>Stepanova O.B., Karavaev E.F.</i> Ideas of time in the traditional worldview of the selkups.....	86
<i>Yusha Zh.M.</i> Child protection in the rituals and beliefs of Tuvs Russia, China, and Mongolia: tradition and modernity	100

Section III

RELIGIOUS STUDIES AND STATE-CONFESSITIONAL RELATIONS

<i>Moradi M.</i> Celestial and mystical symbolism in zoroastrianism	113
<i>Aktamov I.G., Badmatsyrenov T.B., Tsetsenbileg Ts.</i> Buddhism and post-secular society: socio-religious processes in Mongolia in the late 20th and early 21st centuries ...	137
<i>Dudarenok S.M.</i> The Religious Landscape of the Khabarovsk Region in the 1990s: Features of Formation and Development Trends	151
<i>Markova N.M., Arinin E.I., Kuznetsova L.E.</i> Compliance, Religion names and Confessional names before Religions and Confessions: Challenges to Academic Religious Studies.....	170
<i>Musaev V.I.</i> Differences between the Poles and the Lithuanians in the Roman-Catholic Communities in Russia in the early Twentieth Century.....	193
<i>Yurganova I.I.</i> The Christianization of the Chukchi within the context of the <i>Yakut Diocese Gazette</i>	210
<i>Dashkovskiy P.K., Traudt E.A.</i> Orthodox communities of the Buryat ASSR in the context of changes in Soviet religious policy in the second half of the 1980s and early 1990s.	227
FOR AUTHORS.....	256

УДК 272/273

DOI 10.14258/nreur(2025)1-11

В. И. Мусаев

Санкт-Петербургский институт истории РАН, Санкт-Петербург (Россия)

ПОЛЬСКО-ЛИТОВСКИЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ В КАТОЛИЧЕСКИХ ОБЩИНАХ В РОССИИ В НАЧАЛЕ ХХ В.

В статье рассматриваются взаимоотношения внутри католических общин Российской империи, преимущественно в Северо-Западном крае — в Виленской, Ковенской и Сувалкской губерниях, а также в Санкт-Петербурге. Традиционное польское доминирование в жизни российских католических приходов, которое выражалось, в частности, в преобладании польских ксёндзов среди духовенства, господстве польского языка в дополнительном богослужении, церковном делопроизводстве и деятельности приходских школ, с рубежа веков начало вызывать недовольство представителей других национальностей. Прежде всего это касалось литовцев, второй по численности национальной группы среди прихожан католических церквей. С конца XIX в. происходила активизация литовского национального движения, включая развитие литовского литературного языка. В этой связи в католических приходах, главным образом в Северо-Западном крае, участились разногласия и конфликты между поляками и литовцами, в основном из-за языка церковных песнопений, дополнительного богослужения и языка преподавания в приходских школах.

Ключевые слова: Российская империя, католические общины, поляки, литовцы, национальное движение, межэтнические противоречия

Цитирование статьи:

Мусаев В. И. Польско-литовские противоречия в католических общинах в России в начале XX в. // Народы и религии Евразии. 2025. Т. 30. № 1. С. 193–209.

DOI 10.14258/nreur(2025)1-11.

V.I. Musaev

St. Petersburg Institute of History, Russian Academy of Science, Saint-Petersburg (Russia)

DIFFERENCES BETWEEN THE POLES AND THE LITHUANIANS IN THE ROMAN-CATHOLIC COMMUNITIES IN RUSSIA IN THE EARLY TWENTIETH CENTURY

The article examines the dynamics within Roman-Catholic communities in the Russian Empire, particularly in the provinces of Wilno, Kowno, and Suwałki, as well as in St. Petersburg. It highlights the traditional Polish influence in the Russian Catholic parishes, characterized by the predominance of Polish clergy, the use of the Polish language in supplementary divine services, administrative tasks, and the operation of parish schools. As the century turned, this Polish dominance began to generate discontent among other ethnic groups, notably the Lithuanians, who constituted the second largest group of Catholic parishioners. The late 19th century witnessed a surge in the Lithuanian national movement, including the advancement of the Lithuanian literary language. Consequently, conflicts between Poles and Lithuanians in Catholic parishes became more frequent, particularly in the North-Western region, centering around issues such as the language of psalms, additional services, and the medium of instruction in parish schools.

Keywords: Russian Empire, Roman-Catholic Communities, Poles, Lithuanians, National Movement, Interethnic Differences.

For citation:

Musaev V. I. Differences between the Poles and the Lithuanians in the Roman-Catholic Communities in Russia in the early Twentieth Century. *Nations and Religions of Eurasia*. 2025. Vol. 23. No 1. P. 193–209 (in Russian). DOI 10.14258/nreur(2025)1-11.

Мусаев Вадим Ибрагимович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Санкт-Петербургский институт истории РАН, Санкт-Петербург (Россия).

Адрес для контактов: vmusaev62@mail.ru; <https://orcid.org/000-003-2641-5231>

Musaev Vadim Ibragimovich, doctor of historical Sciences, leading researcher, St. Petersburg Institute of History of RAS, St. Petersburg (Russia). Contact address: vmusaev62@mail.ru; <https://orcid.org/000-003-2641-5231>

Введение

Последователи римско-католической церкви в XIX–XX вв. на территории Российской империи занимали по численности первое место среди членов «инославных», т. е. неправославных христианских общин. Такая ситуация сложилась благодаря разделам Речи Посполитой в конце XVIII в., в результате которых к империи были присоединены территории Литвы, Восточной Латвии (Латгале), Западной и Юго-Западной Руси с многочисленным католическим населением, на которых размещались четыре римско-католические епархии: Виленская, Жмудская (Самогитская), Луцкая и Каменец-Подольская. Кроме того, католическое население России увеличивалось за счёт переселенцев из европейских стран, среди которых встречались католики. Католицизм исповедовала часть немецких колонистов, переселение которых в Россию активно поощрялось со временем правления Екатерины II. Исход эмигрантов-роялистов из Франции во время революции конца XVIII в. затронул также и Россию, и некоторые из этих эмигрантов осели в империи. После присоединения к Российской импе-

рии центральной части Польши в 1815 г. и образования Царства Польского имели место также переезды поляков на территорию коронной России. Общая численность католиков в России к концу XIX в. (помимо российской части Польши) достигала приблизительно пяти миллионов человек. Из них большинство проживали в Северо-Западном крае, который включал в себя Виленскую, Ковенскую, Гродненскую, Минскую, Витебскую и Могилевскую губернии. Специалист по истории Западной Руси Г. Я. Киприанович в 1895 г. определял численность католиков на этой территории в 3 987 008 человек [Киприанович, 1895: 222].

Этнический состав католических общин в России был весьма разнообразным. Заметное большинство — до 75% — составляли поляки, которые за пределами Царства Польского проживали в губерниях Северо-Западного и Юго-Западного краёв, польские общины имелись и в ряде крупных городов Европейской России, включая Санкт-Петербург и Москву. Второй по численности этнической группой были литовцы, проживавшие в Ковенской, Виленской, некоторых частях Курляндской и Гродненской губерний, а также в северной части Сувалкской губернии, входившей в состав Царства Польского (Привислинского края). Кроме того, к католическим общинам принадлежали латгалыцы (восточные латыши), западные белорусы, часть немецких и швейцарских колонистов, австрийцы, французы, итальянцы, немногочисленные представители некоторых других европейских народов [Мусаев, 2022: 57–58].

Отношения учреждений и последователей римско-католической церкви на территории России с центральными и местными властями традиционно складывались не просто. Сказывалось многовековое соперничество между католической и православной церквами, к чему добавлялись также сложности в отношениях империи со Святым Престолом (конкордат с Римом, подписанный российским правительством в 1847 г., в 1860-е гг. фактически перестал действовать в связи с антикатолическими мерами в России, последовавшими за подавлением польского восстания 1863–1864 гг.).

Предубеждение властей и православных архиереев по отношению к структурам католической церкви было связано также с тем, что в них зачастую усматривали орудие продвижения польского сепаратизма и полонизации представителей других национальностей. В документах и публицистике поднимался вопрос о «располячивании» западнорусского костёла, т. е. о необходимости устранения польского влияния из среды католиков непольского происхождения [Владимиров, 1896]. В материалах Департамента духовных дел иностранных исповеданий МВД, в ежегодных отчетах о состоянии западных православных епархий — Литовской, Варшавской, Холмской — значительное место постоянно уделялось вопросам противостояния католической и польской пропаганде. Даже при либерализации церковно-религиозной политики правительства после издания указа «Об укреплении начал веротерпимости» от 17 апреля 1905 г. [Бердников, 1913: 1295] деятельность римско-католических общин в России продолжала подвергаться стеснениям. На это обращали внимание даже в Ватикане, из которого в 1912 и 1913 гг. в Петербург было направлено два меморандума с критикой притеснений католической церкви в России [Католическая церковь накануне революции..., 2003: 447–452, 453–490]. В ответ российское правительство отрицало какие-либо проявления нетерпимости по отношению к католикам и, в свою очередь, предъявляло ка-

толическому духовенству обвинения в нарушении государственных законов [Бендин, 2010: 391].

Внешние сложности, с которыми сталкивались учреждения католической церкви в России, усугублялись из-за внутренних проблем. Связано это было в первую очередь с ростом национального самосознания среди непольских католических народностей, прежде всего литовцев, второй по численности группы прихожан католических приходов. На рубеже столетий наметился подъем литовского национального движения. Развитие литовской национальной культуры сказывалось, помимо прочего, в стремлении к более активному использованию собственного языка и преодолению традиционного польского культурно-языкового влияния. Это стремление стало проявляться и в церковных делах. С начала XX в. в католических приходах Северо-Западного края начали обостряться польско-литовские противоречия: по мере развития литовского национального движения священники и прихожане-литовцы принялись оспаривать доминирование польского клира в духовных делах, польского языка в дополнительном (нелатинском) богослужении, в церковном делопроизводстве и в приходских школах [Мусаев, 2021: 40–42].

Данная проблематика не нашла ещё должного отражения в историографии. Целью данной статьи является, помимо прочего, введение в научный оборот ранее неиспользованных документальных материалов Российского государственного исторического архива, в которых отражены соответствующие проблемы, в первую очередь фондов Департамента духовных дел иностранных исповеданий и других учреждений Министерства внутренних дел.

Сувалкская губерния

Противоречия и конфликты наблюдались, в частности, в населенных преимущественно литовцами частях Сувалкской губернии Привислинского края. Сувалкский губернатор в отчете о состоянии губернии за 1898 г. отмечал, что литовцы составляют более половины всего населения губернии (52%). Далее он писал, что формы протестов литовцев далеко не исчерпывались проявлением недовольства против распоряжений русского правительства, они в одинаковой мере сказывались в отношении всякого рода установившихся в прошлом влияний польского воздействия и не останавливались даже перед отречением от установившихся издавна в католическом церковном обиходе обыкновений, устранивших употребление литовского языка в песнопениях молящихся в костелях [РГИА. Ф. 1282. Оп. 3. Д. 308. Л. 6]. О подобных явлениях шла речь в отчете о состоянии той же губернии за 1901 г.: «В прежнее время римско-католический костел, находящийся под исключительно польским влиянием, не допускал в церковном обиходе иного языка, кроме польского... Но с возрождением литовского национального самосознания, ксёндзы из литовцев охотно стали обучать своих прихожан церковным молитвам на литовском языке и начали вводить эти песнопения в употребление». В смешанных приходах, отмечал далее губернатор, в которых, наряду с литовцами имелись прихожане поляки, это нововведение вызвало самый энергичный протест со стороны последних, и происходившие из сего ссоры между литовцами и поляками стали принимать настолько резкие формы, что в некоторых случаях дело доходило до драк в стенах самого костела [РГИА. Ф. 1284. Оп. 194. 1902 г. Д. 152. Л. 24 об.].

Развитие литовского национального движения привлекало к себе внимание российских властей. Отмечалось, что это движение активизировалось с середины 1890-х гг., а помимо церковных дел, литовские активисты стремились добиться исключения польского языка в населенных ими уездах из делопроизводства в земских и городских учреждениях. В Сувалкской губернии местные литовцы начали выдвигать требования об отсоединении населенной ими части губернии от Царства Польского и передачи её в состав Северо-Западного края. Как констатировалось в одном из годовых отчетов по Сувалкской губернии, подобные взгляды литовского населения губернии и опасения подпасть вновь под влияние польской культуры свидетельствовала о той розни, которая создалась между поляками и литовцами и из года в год усиливалась. Вызвано это было стремлением литовцев к самоопределению, созданию литературного литовского языка и культурных учреждений, взамен таких же польских и навязываемого им польского языка [РГИА. Ф. 1284. Оп. 194. 1907 г. Д. 49. Л. 4–5].

Местные российские власти к развитию литовского движения относились настороженно, так как подчас усматривали в нём не только антипольские, но и антирусские проявления. В частности, начальник Сувалкского губернского жандармского управления полковник Роменский в своём отношении в Департамент полиции от 15 ноября 1899 г. сообщал о приглашении епископом Сейнской католической епархии Барановским в Кальварийский уезд из г. Ломжа ксёндза Александровича, который имел репутацию ярого «литвомана» и был известен тем, что в своей пропагандистской деятельности боролся как против польского, так и против русского языка: «Из дел за 1892 г. видно, что ксёндз Александрович, состоя законоучителем в Вейверской учительской семинарии, отказался преподавать Закон Божий на русском языке и старался вселить в воспитанниках убеждение, что русские и поляки только пришельцы в литовский край и поэтому литовцы должны крепко стоять за свой язык и веру, в то же время он запрещал ученикам говорить по-русски... По заявлению тогда всех учителей семинарии, до назначения туда ксендза Александровича все воспитанники говорили исключительно на русском языке. За эту неблаговидную деятельность Александрович и был удален из семинарии» [РГИА. Ф. 821. Оп. 2. Д. 73. Л. 16].

В середине 1900-х гг. именно в приходе Кальварийского костёла Сейнской епархии сложилось особенно напряжённое положение. Значительное большинство в приходе составляли литовцы: по утверждению администратора епархии прелата Антоновича, на которого тогда было возложено управление ею (епископ Барановский к тому времени скончался), из 11 875 прихожан насчитывалось лишь около 400 поляков (по другим данным, около 500). Как утверждал прелат Антонович, в апреле 1906 г. к нему явилась депутация прихожан-литовцев с критикой установившегося в костёле порядка совершать песнопения на польском языке. В ответ администратор предложил настоятелю костёла объявить с амвона, что все совершаемые народом песнопения должны производиться исключительно на литовском языке, полякам же, как проживавшим вблизи церкви, предоставляется право совершать польские песнопения только после вечерней службы, когда литовцы отправляются домой. Это, опять же по утверждению прелата Антоновича, вызвало недовольство поляков, которые направили к нему свою депутатию с требованием оставить всё в прежнем порядке. Администратор согласился

на определённые уступки, которые, однако, не привели к компромиссу [РГИА. Ф. 821. Оп. 2. Д. 73. Л. 74–74 об.].

В результате в костёле стали возникать беспорядки, о которых сообщалось несколько раз. Впервые они были зафиксированы 27 августа (9 сентября) 1906 г. Конфликт повторился 30 сентября (12 октября) 1907 г., о чём начальник жандармского управления Мариампольского и Кальварийского уездов Сувалкской губернии ротмистр Кислинский доносил в Департамент полиции: «30 сентября во время вечернего молебства в Кальварийском костеле между молящимися прихожанами поляками и литовцами из-за пения Божественных песен произошла ссора, поляки стали петь по-польски, а литовцы по-литовски, о происходящей ссоре тотчас же был осведомлен начальник уезда, по прибытии его в костел с земскими стражниками ссора прекратилась. Крестьяне литовцы требуют, чтобы пение совершилось по-литовски, а прихожане мещане гор. Кальварии поляки хотят, чтобы пение было по-польски, вследствие чего и происходят постоянные недоразумения. Ксёндзы в местностях, населенных литовцами, состоят исключительно литовцы, которые всегда поддерживают сторону литовцев, прихожане поляки негодуют на это, таким образом, в костёле всегда из-за пения возникают ссоры. Ссора эта, начавшаяся в костёле, вскоре продолжалась за оградой и, наконец, чуть не перешла в уличную драку, почему начальник военного района высыпал даже патруль пехоты для принятия мер к успокоению. Так как вражда эта происходит без перерыва второй год, причём с каждым разом страсти всё больше разгораются, возможно, что, если не будут приняты меры влияния на духовенство, которое, собственно, является попустителями подобных происшествий в стенах храма, до тех пор эти безобразия не прекратятся» [РГИА. Ф. 821. Оп. 2. Д. 73. Л. 119, 146].

Маловероятно, что власти намеренно пытались «вбить клин» между поляками и литовцами, однако проявления подобного рода противоречий если и вызывали у них беспокойство, то только в тех случаях, когда это приводило к серьёзному нарушению общественного порядка: они рассчитывали, что такие разногласия помешают объединению представителей двух этносов, традиционно исповедовавших католичество и имевших давние сложности в отношениях с Россией, и их выступлению единым фронтом против имперского центра. Характерно в этой связи замечание, высказанное в очредном годовом отчете по Сувалкской губернии: «Сравнительно скорое успокоение (после событий 1905–1906 гг. — В. М.), независимо причин общего характера, находит объяснение и в разнородном этнографическом составе населения. Ядро его — литовское крестьянство относится с недоверием и даже враждой к полякам, сосредоточенным в городах и владеющим крупной земельной собственностью, а потому между обеими сторонами, при подобном положении вещей, недостижимо объединение на почве противодействия видам Правительства, что могло бы произойти при отсутствии между ними вражды» [РГИА. Ф. 1284. Оп. 194. 1908 г. Д. 51. Л. 2 об.].

Северо-Западный край

Подъём литовского национального движения, с определённым антипольским оттенком, отмечался и в губерниях Северо-Западного края: Ковенской и Виленской. Ковенский губернатор А. П. Рогович в отчёте о состоянии губернии за 1899 г. отмечал: «Весьма важным признаком того, насколько, в ущерб польскому культурному влиянию,

усилилось литовское движение, является состав нынешнего сельского духовенства Ко-венской губернии. Во время мятежа (1863–1864 гг. — В. М.) духовенство было польское и явилось деятельным участником мятежного движения. В настоящее время ксёнды из поляков по происхождению составляют незначительное, вымирающее меньшинство, всё же сельское духовенство, управляющее совестью народа, дети литовских крестьян. Они все, конечно, говорят по-польски, но крепко держатся за свою национальность, и где в одном приходе служат вместе ксёндз поляк и ксёндз литвин, они чаще всего плохо уживаются между собою главным образом из-за вопроса о языке... Если ныне обсуждать меры для сближения местного крестьянского населения с русской государственностью, то надо считаться в Ковенской губернии вовсе не столько со старым, не имеющим будущности вопросом ополячения массы, сколько с более новым, но живучим и имеющим будущность вопросом литовского движения, то есть, самостоятельного племенного и духовного обособления этой массы, которая, по мере своего развития, все с большей сознательностью будет стремиться к развитию родного языка и своей письменности» [РГИА. Ф. 1282. Оп. 3. Д. 376. Л. 6 об.-7].

А. П. Рогович высказывал также суждения о национальном вопросе во вверенной его управлению губернии в отчёте о её состоянии за 1900 и 1901 гг. Он отмечал, что литовцы, составлявшие всё коренное крестьянское население губернии, представлялись сплоченной массой, сохранившей в чистоте свой язык и самобытность и только в своих верхах (горожане, духовенство) полонизированную. Масса же населения к русской народности не была враждебна, но совершенно равнодушна, и название «русский» для неё было равносильно понятию «чужой». Поляки, т. е. всё поземельное дворянство, горожане и мелкая земельная шляхта, Россию и всё русское не любили, но привыкли подчиняться русской власти и сознавали, что под русским владычеством им живется лучше, чем полякам — германским подданным. За исключением мелкой шляхты, местные поляки хорошо говорили по-русски, но в своём домашнем быту ревниво оберегали свой язык и склад жизни. Губернатор далее писал: «Верить в возможность русско-польского сближения, которое иногда в русской печати выставляется возможным и даже будто бы начавшимся, мне кажется, не следует; русская и польская народности, разобщённые на почве вековой вероисповедной розни, едва ли соединимы. Отдельные проявления таких попыток со стороны поляков должны быть оцениваемы по достоинству, как доказательство их благоразумия и правильного сознания собственной пользы, но я думаю, что русская правительенная власть не может пока еще соразмерить свои действия и мероприятия с мыслью о возможности такого сближения» [РГИА. Ф. 1282. Оп. 3. Д. 545. Л. 163 об.-164].

В отчёте виленского губернатора Д. Н. Любимова за 1907 г. утверждалось: «Обращаясь к литовской национальности, следует также отметить прежде всего его молодую энергию в деле становления своей национальности против полонизирующих влияний. В сложной и трудной задаче разобщения католицизма и полонизма, от удачного разрешения коей зависит многое в деле соединения интересов северо-западной окраины с общимперскими, эта польско-литовская борьба... должна сыграть выдающуюся, если не решающую роль» [РГИА. Ф. 1284. Оп. 194. 1908 г. Д. 66. Л. 6 об.]. Любимов при этом предостерегал против попыток заигрывания перед национальными устрем-

лениями одного этноконфессионального меньшинства в пику другому: «Печальный опыт 1905–1906 годов в Прибалтийском крае наглядно показал, к чему может привести излишняя поддержка одного инородческого племени предпочтительно перед другими» [РГИА. Ф. 821. Оп. 2. Д. 79. Л. 26].

В некоторых приходах Виленской губернии факты польско-литовских столкновений вокруг языка дополнительного богослужения и песнопений даже отмечались в прессе. Например, «Биржевые ведомости» сообщали о беспорядках в некоторых виленских костёлах, имевших место 26 октября (8 ноября) 1908 г. и вызванных введением богослужения на литовском языке [Биржевые ведомости. 1908. 6 (19) ноября]. Виленский губернатор Д. Н. Любимов, впрочем, в своём отношении в Департамент полиции характеризовал сообщения газеты о беспорядках как преувеличенные. По его словам, в большинстве костёлов служение на литовском языке прошло без всяких инцидентов, в некоторых же хотя и были единичные выступления в этом роде, но незначительные. «Только в Виленском костеле Всех Святых порядок был более или менее нарушен. А именно: 26 октября во время проповеди на литовском языке находившиеся в костеле поляки, особенно женщины, стали громко петь молитвы на польском языке, с целью заглушить слова проповедника, который вследствие этого вынужден был прекратить проповедь, не закончив таковой. В следующее воскресенье, 2 ноября, беспорядок этот повторился, и ксёндз, произносивший проповедь на литовском языке, вторично должен был прекратить её». Однако в обоих случаях, по словам губернатора, до столкновений между молящимися обеих национальностей не доходило и серьезных беспорядков не возникало [РГИА. Ф. 821. Оп. 2. Д. 73. Л. 187].

Подобного рода инциденты были отмечены на страницах газет «Московские Ведомости» (за 6 ноября 1908 г.), «Санкт-Петербургские Ведомости» (за 7 ноября 1908 г.), «Новое Время» (за 7 января 1909 г.). Последней из упомянутых публикаций была статья известного историка и общественного деятеля профессора И. П. Филевича «На русском Западе», в которой шла речь о польско-литовских разногласиях преимущественно в костёлах Трокского уезда Виленской губернии. Губернатор Д. Н. Любимов, комментируя статью в письме директору Департамента духовных дел А. Н. Харузину, выражал согласие с профессором И. П. Филевичем в том смысле, что господство польского языка в костёлах Виленской губернии «в настоящее время не оправдывается существующим положением народностей Северо-Западного края», выражая при этом мнение, что «господство это должно перейти не к литовскому языку, а к тому, на котором говорит преобладающая по численности коренная часть местного населения, т. е. к русскому» [РГИА. Ф. 821. Оп. 2. Д. 79. Л. 25] (к Виленской губернии тогда относились несколько уездов с преобладавшим белорусским населением).

Виленский католический епископ Э. Ю. фон дер Ропп, возглавлявший епархию в 1903–1907 гг., хотя и не был этническим поляком (он был родом из Вестфалии и имел немецкое происхождение), но, по мнению властей и православных архиереев, слишком явно покровительствовал польским интересам, в том числе политическим. Виленский, Ковенский и Гродненский генерал-губернатор К. Ф. Кршивицкий упоминал об акциях протesta литовцев против полонизаторской политики виленского епископа [Бендин, 2010: 358].

Пропольские пристрастия Роппа явились поводом к его отстранению от должности в октябре 1907 г. [РГИА. Ф. 1284. Оп. 194. 1908 г. Д. 66. Л. 7–9] (позднее Ропп в сане архиепископа руководил Могилёвской архиепархией). После его отстранения епархией временно руководил ксёндз Казимир Михалькевич, который считал недовольство и претензии литовцев необоснованными, особенно в самом Вильно, где они составляли незначительное меньшинство среди католиков. Губернатор Любимов получил от администратора Михалькевича информацию, что в Вильно лишь чуть больше двух тысяч человек изъявили желание отправлять духовные трябы на литовском языке. Михалькевич также обращал внимание на то, что в целом в Виленской католической епархии, которая охватывала территорию Виленской и Гродненской губерний, по переписи населения 1897 г. литовцев среди католиков насчитывалось 283 447 человек, тогда как остальные 1 322 368 составляли поляки и белорусы [РГИА. Ф. 821. Оп. 2. Д. 79. Л. 8–9, 12, 26].

В то же время К. Михалькевич счёл возможным предпринять определённые шаги для достижения компромисса в языковом вопросе. 18 февраля (3 марта) в Вильно по его инициативе было проведено собрание духовенства епархии. Администратор предложил на собрании, чтобы в каждом приходе с этнически смешанным составом прихожан состоял священник, владевший обоими языками. Проповеди и катехизис в воскресные и праздничные дни должны были читаться на обоих языках, песнопения и дополнительные богослужения предполагалось проводить таким образом, чтобы меньшинство не было лишено возможности слушать их на родном языке. Соблюдение этих условий подлежало контролю со стороны постоянной комиссии в составе четырёх священников, по двое от каждой группы, и председателя, назначаемого епархиальным руководством [Kurjer Litewski. 1909. 22 lutego (7 marca)].

Сообщения о конфликтах в костёлах Виленской епархии появлялись, однако, и в последующее время. В частности, в смешанных приходах Трокского уезда хотя и была установлена очередь для совершения богослужений на том или другом языке (одну неделю на польском, другую на литовском), но к успокоению это не привело. Во время богослужений на литовском языке прихожане–поляки старались мешать ведению богослужения, начиная громко петь молитвы на польском языке и, наоборот, литовцы таким же способом мешали отправлять богослужения на польском языке, при этом имели место случаи, когда такие недоразумения заканчивались дракой [РГИА. Ф. 821. Оп. 2. Д. 79. Л. 38].

Вице-директор Департамента духовных дел Смирнов в июне 1909 г. сообщал Д. Н. Любимову об имевшихся сведениях о том, что распоряжения администратора К. Михалькевича, направленные на уравнивание прав литовцев и поляков, игнорировались большинством ксёндзов епархии, «которые не могут отрешиться от полонизаторской политики б. Виленского епископа барона Роппа». К. Михалькевич, впрочем, уверял Д. Н. Любимова (о чём виленский губернатор в июле того же года сообщал в Департамент духовных дел), что активных выступлений со стороны римско-католического духовенства с целью противодействия распоряжениям епархиального начальства в деле уравнения прав прихожан поляков и литовцев в Виленской губернии не наблюдалось, а упоминаемый в отзыве департамента случай обращения к управляющему

епархией депутатии с требованием не вводить в костелах богослужения на литовском языке «совершенно не имел места» [РГИА. Ф. 821. Оп. 2. Д. 79. Л. 95, 103].

Характерное дело разбиралось в Виленской судебной палате в апреле 1912 г. — дело о беспорядках в костёле в фольварке Янишки. В этом костёле, большинство прихожан которого составляли литовцы, добавочное богослужение совершалось попеременно на польском и литовском языках. Местный польский помещик Л. Зайончковский стал вести пропаганду среди местного населения против употребления при богослужении литовского языка. В марте 1912 г. поляки, проникшиеся влиянием его пропаганды, устроили в костёле беспорядки во время произнесения двумя ксёндзами-литовцами проповеди на литовском языке. В результате разбирательства Л. Зайончковский был приговорён к тюремному заключению на год, его единомышленник, арендатор И. Ивановский — на восемь месяцев [Окраины России. 1912. 14 апреля. № 15. С. 224.].

В Ковенской губернии губернатор Н.Д. Грязев сообщал (в отчёте о состоянии губернии за 1913 г.), что за последние годы стала замечаться довольно резко выраженная вражда между литовцами и поляками, «в особенности проявляемая первыми». Губернатор, впрочем, делал оговорку, что не знает, насколько эта вражда действительна и не проявляется ли она так открыто для отвода глаз властей: «некоторые малозначительные, еле уловимые факты заставляют сомневаться в искренности этой вражды» [РГИА. Ф. 1276. Оп. 17. Д. 427. Л. 134 об.-14]. В 1912 г. польско-литовские противоречия вылились в полемику в прессе. Газета «Литва», выходившая в Вильно, хотя и издавалась на польском языке, но отстаивала литовские интересы. С польской стороны выступали «Dziennik Petersburgski», варшавская «Dwugroszówka» и виленский «Kurier Litewski». Полемика была так остры, что дело дошло до судебного разбирательства о клевете между «Литвой» и «Петербургской газетой» [Spustek, 1966: 48].

Отзывы в Санкт-Петербурге

Польско-литовские конфликты в приходах Северо-Западного края и Сувалкской губернии отразились на отношениях между поляками и литовцами в петербургских католических приходах, прежде всего в крупнейшем католическом храме российской столицы — соборе св. Екатерины Александрийской на Невском проспекте. Возникавшие споры касались таких вопросов, как управление приходом, замещение священнических должностей, язык проповедей и религиозных песнопений, а также вопроса о приходских школах. Литовцы неоднократно адресовали властям, в основном органам МВД, жалобы на польскую администрацию. Споры во многом были связаны с процедурой выборов попечителей прихода. Настоятель прихода св. Екатерины прелат Константы (Константин) Будкевич установил имущественный ценз для выборщиков, которыми могли быть избиратели в Думу или владельцы домов, ссылаясь при этом на регламент, данный костёлу св. Екатерины императрицей Екатериной II в 1769 г., а затем распространённый на все католические приходы империи. При такой системе преимущество получали более зажиточные прихожане, среди которых были в основном поляки [Spustek, 1966: 49].

Польско-литовские споры вызвали реакцию Ватикана. В 1911 г. была оглашена папская энциклика для России «Motu proprio», которая, под угрозой церковных наказаний, запрещала вынесение вопросов, связанных с церковными делами, на рассмотре-

ние светских судов. Это вызвало недовольство литовцев. Последние даже пытались передать через Департамент духовных дел иностранных исповеданий жалобу на доминирование поляков в духовных делах Папской курии. Департамент, однако, не счёл отправку жалобы в Ватикан целесообразной и рекомендовал решить спорные вопросы управляющему Могилевской католической архиепархией (в ведении которой находились все католические приходы европейской части России) епископу Яну Цепляку. На К. Будкевича в 1910 г., по инициативе Департамента духовных дел, было заведено агентурное дело по обвинению в том, что он превратил храм св. Екатерины в «оплот польского национализма». Это произошло не без влияния доносов со стороны литовцев, которые жаловались, что в учебных заведениях при церкви занимаются полонизацией. Одним из обвинений против настоятеля было пренебрежение «к национальным запросам других национальностей», что выражалось в том, что по его инициативе в храме проповеди читались только по-польски, который был плохо понятен или вообще непонятен прихожанам другого этнического происхождения [Чаплицкий, 2004: 64–66].

Жалобы приходили не только от литовцев: в феврале 1910 г. в МВД поступило заявление от французского священника Ж. Боннэ, что Будкевич будто бы обращает церковь в «цитадель польского национализма» [РГИА. Ф. 821. Оп. 128. Д. 324. Л. 1 об.]. Прелат К. Будкевич вынужден был реагировать на предъявленные ему претензии. 3 июня 1911 г. он направил письмо на имя директора Департамента духовных дел. В этом письме он, в частности, писал: «Я никогда не имел с литовцами — прихожанами своими никаких недоразумений, и ни разу никто из них не жаловался мне на какие-либо злоупотребления в школе. Напротив, до сих пор я от литовцев слышал, что они довольны, так как в школах церковных преподается литовский язык, а в церкви произносится проповедь на литовском языке. Только в прошлом году несколько литовцев обращались ко мне с просьбой об увеличении числа священников литовцев при церкви. Так как удовлетворение просьбы не от меня зависело, то я направил просителей к Митрополиту, а потом, с разрешения Митрополита, пригласил ксёндза литовца». Прелат далее утверждал, что литовский вопрос в приходе был кем-то вызван искусственно. На собрании прихожан, состоявшемся 1 мая, только двое литовцев из более чем 40 присутствовавших заявляли о якобы полонизации. Польский язык в школе при церкви, по его словам, принудительно никому не навязывался и преподавался только желающим [РГИА. Ф. 821. Оп. 128. Д. 153. Л. 35–36]. Чиновник департамента, расследовавший положение в приходе, в справке от 20 апреля того же года сообщал, что определённые преимущества у поляков перед прихожанами других национальностей всё же имелись. В частности, хотя проповеди произносились на разных языках, только поляки имели возможность слушать их на своём языке при главном богослужении. «Так как польская проповедь произносится в середине богослужения, то лица других национальностей вынуждаются её слушать». В гимназиях при приходе лишь меньшая часть из русских, белорусских, литовских и латышских учеников и учениц имели возможность изучать Закон Божий на своих языках [РГИА. Ф. 821. Оп. 128. Д. 153. Л. 37–40].

В 1912 г. положение в учебных заведениях при приходе св. Екатерины стало предметом переписки между министрами внутренних дел и народного просвещения. Речь

шла в том числе о ходатайстве прихода о разрешении проводить воскресные и праздничные богослужения в помещении гимназии при церкви. Министр внутренних дел А.А. Макаров в письме от 5 мая обращал внимание на то, что хотя в мужской гимназии обучались 45 русскоязычных учеников (38 из них относили себя к белорусам), Закон Божий преподавался по-русски только троим воспитанникам. «Хотя в этой гимназии имеется до 40% не поляков, проповеди в гимназической часовне произносились только по-польски. В гимназии этой было обнаружено употребление руководства по польскому языку, проникнутое польскими национально-политическими идеями, а план преподавания польского языка не соответствовал планам, утверждённым С.-Петербургским учебным округом, причём выяснилось, что без разрешения учебного округа преподавание польского языка было распространено на 5, 6 и 7 классы гимназии. Вместе с тем, было установлено стремление заведующего гимназией Статского Советника Цыбульского к чрезвычайной клерикализации воспитания учащихся» [РГИА. Ф. 821. Оп. 128. Д. 153. Л. 110].

Таким образом, в позиции МВД оказывалось опасение перед польскими политическими устремлениями, якобы продвигавшимися через церковные структуры. Министр народного просвещения Л.А. Кассо не вполне разделял алармистские настроения коллеги и считал возможным, вопреки мнению А.А. Макарова, всё же допустить воскресные и праздничные богослужения в гимназии при церкви св. Екатерины. Н.А. Маклаков, сменивший А.А. Макарова на посту министра внутренних дел, продолжал, однако, настаивать на точке зрения своего ведомства. В письме Л.А. Кассо от 11 июля 1914 г. он утверждал, что, по имевшимся в МВД сведениям, «полонизаторская деятельность в учебных заведениях при церкви св. Екатерины не прекращается и доныне» [РГИА. Ф. 821. Оп. 128. Д. 153. Л. 115–117]. Сам заведующий гимназией С.О. Цыбульский, упоминавшийся в письме А.А. Макарова, ещё раньше в своих письмах в редакции петербургских газет (опубликованных в номерах «Нового Времени» от 8 апреля 1911 г. и «С.-Петербургских Ведомостей» от 9 апреля 1911 г.) отрицал предъявленные ему обвинения. Он подчёркивал, что сам является светским лицом, что «пропаганды полонизма в гимназии никогда при мне не было», «дети воспитываются у нас в строгой нравственности, в духе государственности и в повиновении законам», преподавание в гимназии ведётся на русском языке, польский, литовский и латышский языки преподаются факультативно, Закон Божий преподаётся на пяти языках, а из двух законоучителей при гимназии один белорус, другой латыш. Наконец, Цыбульский отрицал, что в гимназию принимаются ученики православного исповедания, которых затем пытаются полонизировать и окатоличивать.

Директор департамента полиции в декабре 1913 г., однако, утверждал, что в женскую гимназию при приходе православные ученицы всё же принимались, где они подвергались «сворачиванию в католицизм», а польский язык навязывался как обязательный литовкам и латышкам даже в частной жизни [РГИА. Ф. 821. Оп. 128. Д. 153. Л. 165]. Это вызвало принятие определённых мер. В сентябре 1914 г. директор Департамента духовных дел иностранных исповеданий Е. В. Менкин получил уведомление, что «тенденциозные учебники» в женской гимназии при церкви св. Екатерины более не употребляются [РГИА. Ф. 821. Оп. 128. Д. 153. Л. 170].

Влияние обстоятельств военного времени

После 1914 г., в условиях военного времени и притока в тыловые губернии беженцев из западных областей империи, оказавшихся в немецкой оккупации или находившихся в прифронтовой зоне, польско-литовские противоречия внутри католических церковных структур в России, наметившиеся в предвоенные годы, ещё больше обострились. В документах Могилёвской архиепархии и Департамента духовных дел иностранных исповеданий МВД отложилось немало взаимных жалоб. Споры возникали, в частности, вокруг национальной принадлежности настоятеля прихода или капеллана (священнослужителя, специально назначенного для духовного окормления беженцев). Жалобы на капелланов-литовцев были особенно частыми в тех приходах, где настоятелем был ксёндз-поляк. Нередко конфликты выходили за рамки церковных дел и касались деятельности польских организаций, занимавшихся помощью беженцам. Существовавшие литовские и латышские организации подобного рода не были так широко распространены, как польские, поэтому часть литовских беженцев оказывалась под опекой польских организаций. Больше всего конфликтов было между священниками-литовцами и польскими организациями помощи беженцам — «Центральным гражданским комитетом» (Centralny Komitet Obywatelski) и «Обществом помощи жертвам войны» (Towarzystwo Pomocy Ofiarom Wojny). Нередко они возникали, когда литовские священники противились использованию костёлов для патриотических польских собраний. Литовцы жаловались на дефицит литовских священников и соответственно слабую работу среди литовских беженцев. Подчас также возникали трения, независимо от национального фактора, между капелланами и ксёндзами-настоятелями, которые считали, что капелланы покушаются на их права полноправных хозяев в приходе. Наконец, не обходилось без противоречий между священнослужителями и представителями упомянутых выше организаций «Центральный гражданский комитет» и «Общество помощи жертвам войны» [Spustek, 1966: 207–211, 236–237]. В приходе церкви св. Екатерины некоторые литовские прихожане продолжали предъявлять жалобы на настоятеля прелата К. Будкевича, который был вынужден давать объяснения по их поводу руководству Могилёвской архиепархии [РГИА. Ф. 821. Оп. 128. Д. 153. Л. 180–182].

Заключение

Таким образом, подъём и развитие национального движения на окраинах Российской империи создавали проблемы не только в отношениях этнических групп, проживающих на этих окраинах, с центральными властями, но и между представителями разных этносов внутри этих окраин. Взаимоотношения между литовцами и поляками в Северо-Западном крае в данном случае являются наглядной иллюстрацией подобных явлений. Специфика польско-литовских отношений восходит ещё ко временам Речи Посполитой, в период существования которой Литва подверглась значительному польскому культурному влиянию. Развитие литовского национального движения, по ряду причин, несколько задержалось по сравнению со схожими процессами в соседних областях — Латвии, Эстонии, Финляндии, но происходило примерно в том же ключе. Если для латышей и эстонцев были характерны антинемецкие тенденции (в известной степени и антилютеранские), литовское движение было в значительной сте-

пени направлено против польского духовного и языкового доминирования. Местной особенностью для Литвы было то, что здесь тенденции к отходу от католичества наблюдалось (подобно тому, как часть латышей и эстонцев переходила из лютеранства — «немецкой веры» — в православие), но противоречия внутри самого костёла формировались на этноязыковой основе.

Для реакции российских властей на указанные противоречия были характерны сдержанность и осмотрительность. С одной стороны, в «полонизме» имперским центром традиционно усматривалась угроза сепаратизма (небезосновательно, если вспомнить о восстании 1863–1864 гг.). В то же время развивавшееся литовское движение также воспринималось властями с заметной настороженностью, поскольку и в нём выделялись сепаратистские и антирусские тенденции, что как раз явствует из цитированных выше отчётов и реляций. Тем более, что это было новым явлением по сравнению с более-менее знакомым польским партикуляризмом и сепаратизмом, и было не вполне ясно, каких осложнений можно было от него ожидать. В то время как ранее развитие финского, эстонского и латышского национального движения на первоначальном этапе имело пусть неявную, но всё же некоторую поддержку со стороны центра, в пику шведскому либо немецкому культурному и политическому доминированию, в данном случае центральные и местные власти старались стоять «над схваткой» и по возможности сдерживать обе конфликтующие стороны.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Бендин А. Ю. Проблемы веротерпимости в Северо-Западном крае Российской империи (1863–1914). Минск : БГУ, 2010. 439 с.

Бендин А. Ю. Указ о веротерпимости и его реализация в Северо-Западном крае Российской империи // Вестник РГГУ. 2009. № 17. С. 44–57.

Бердников И. С. Краткий курс церковного права Православной Церкви. Казань : типо-лит. Имп. ун-та, 1913. 1445 с.

Бердников И. С. Наши новые законы и законопроекты о свободе совести. М. : печатня А. И. Снегиревой, 1914. 246 с.

Биржевые ведомости. 1908. 6 ноября.

Буткевич Т. И. Устройство и управление римско-католической церкви вообще и в России в частности. Харьков : Епарх. тип., 1916. 623 с.

Владимиров А. П. История располячивания западно-русского костела. М. : отд. из «Русского обозрения», 1896. 168 с.

Дякин В. С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX — начало XX в.). СПб. : ЛИСС, 1998. 1039 с.

Католическая церковь накануне революции 1917 года: сборник документов / под ред. М. Радван. Люблин : Научное общество Католического университета в Люблине, 2003. 671 с.

Киприанович Г. Я. Исторический очерк православия, католичества и унионии в Белоруссии и Литве с древнейшего до настоящего времени. Вильна : тип. И. Блюмовича, 1895. 236 с.

Лиценбергер О.А. Римско-католическая церковь в России. История и правовое положение. Саратов : ПАГС, 2001. 382 с.

Московские Ведомости. 1908. 6 ноября.

Мусаев В.И. Инославные христианские общины на Северо-Западе России в 1900–1930-е гг. СПб. : ПОЛИТЕХ-ПРЕСС, 2022. 514 с.

Мусаев В.И. Особенности социально-политической и этноконфессиональной ситуации в Литве во второй половине XIX — начале XX в. // Вестник Института мировых цивилизаций. 2021. Т. 12. № 2 (31). С. 39–45.

Новое Время. 1906. 3 июня.

Новое Время. 1909. 7 января.

Новое Время. 1911. 8 апреля.

Окраины России. 1912. 14 апреля. № 15.

Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 821. Оп. 2. Д. 73.

РГИА. Ф. 821. Оп. 2. Д. 79

РГИА. Ф. 821. Оп. 128. Д. 153.

РГИА. Ф. 821. Оп. 128. Д. 324.

РГИА. Ф. 1276. Оп. 17. Д. 427.

РГИА. Ф. 1282. Оп. 3. Д. 308.

РГИА. Ф. 1282. Оп. 3. Д. 545.

РГИА. Ф. 1284. Оп. 194. 1902 г. Д. 152.

РГИА. Ф. 1284. Оп. 194. 1907 г. Д. 49.

РГИА. Ф. 1284. Оп. 194. 1908 г. Д. 51.

РГИА. Ф. 1284. Оп. 194. 1908 г. Д. 66.

Санкт-Петербургские Ведомости. 1908. 7 ноября.

Санкт-Петербургские Ведомости. 1911. 9 апреля.

Чаплицкий Б., прелат. Константин Будкевич (1867–1923). Жизнь и деятельность. СПб. : Речь, 2004. 243 с.

Kurjer Litewski. 1909. 22 lutego (7 marca). (на польск. яз.).

Spustek J. Polacy w Piotrogrodzie 1914–1917. Warszawa: Państwowe wydawnictwo naukowe, 1966. 466 s. (на польск. яз.).

REFERENCES

Bendin A.Yu. *Problemy veroterpimosti v Severo-Zapadnom krae Rossiskoi imperii (1863–1914)* [Issues of Religious Toleration in the North-Western Region of the Russian Empire]. Minsk: BGU Publ., 2010, 439 p. (in Russian).

Berdnikov I.S. *Kratkij kurs tcerkovnogo prava Pravoslavnoi Tcerkvi* [Brief Review of the Canon Law of the Orthodox Church]. Kazan': tipo-lit. Imp. un-ta, 1913, 1445 p (in Russian).

Berdnikov I.S. *Nashi novye zakony i zakonoproekty o svobode sovesti* [Our New Laws and Bills on the Freedom of Conscience]. Moscow: pechatnya A.I. Snegirevoi, 1914, 246 p. (in Russian).

Birzhevye vedomosti [Stock Exchange Bulletin]. 1908, November 6 (in Russian).

Butkevich T. I. *Ustrojstvo i upravlenie rimsко-katolicheskoi tcerkvi voobshhe i v Rossii v chastnosti* [Structure and Management of the Roman Catholic Church in General and in Russia in Particular]. Charkov: Eparch. tip., 1916, 623 p (in Russian).

Czaplicki B., prelate. *Konstantin Budkiewicz (1867–1923). Zhizn'i deyatel'nost'* [Konstantin Budkiewicz. Life and Activities]. Saint Petersburg: Rech' Publ., 2004, 243 p. (in Russian).

Katolicheskaya tcerkov' nakanune revolyutcii 1917 goda. Sbornik dokumentov [Catholic Church on the Eve of the Revolution of 1917. Documentary Collection]. Lublin: Scientific Association of the Catholic University in Lublin, 2003, 671 p. (in Russian).

Kiprianovich G. Ya. *Istoricheskii ocherk pravoslaviya, katolichestva i unii v Belorussii i Litve s drevnejshego do nastoyashhego vremeni* [Historical Review of Orthodoxy, Catholicism and Union in Belarus and Lithuania from the Ancient Time until Nowadays]. Wilno: tip. I. Blyumovicha, 1895, 236 p. (in Russian).

Litzenberger O.A. *Rimsko-katolicheskaya cerkov' v Rossii. Istoryya i pravovoe polozhenie* [The Roman Catholic Church in Russia. History and Legal Position]. Saratov: PAGS Publ., 2001, 382 p. (in Russian).

Moskovskie Vedomosti [Moscow Bulletin]. 1908. November 6 (in Russian).

Musaev V.I. *Inoslavnye christianskie obshchiny na Severo-Zapade Rossii v 1900–1930-e gg.* [Non-Orthodox Christian Communities in the North-West of Russia]. Saint Petersburg: POLITECH-PRESS Publ., 2022, 514 p. (in Russian).

Musaev V.I. *Osobennosti sotsialno-politicheskoy i etnokonfessional'noy situaycii v Litve vo vtoroy polovine XIX — nachale XX vv.* [Special Traits of Social-Political and Ethnic-Confessional Situation in Lithuania in the second Half of 19th and the early 20th Centuries]. *Vestnik Instituta mirovykh tcivilizaciy* [Bulletin of the Institute for the World Civilizations]. 2021, vol. 12, no. 2 (31). P. 39–45 (in Russian).

Novoe Vremya [New Time]. 1909. January 7 (in Russian).

Novoe Vremya [New Time]. 1911. April 8 (in Russian).

Okrainy' Rossii [Peripheries of Russia]. 1912. April 14. № 15 (in Russian)

Rossijskij gosudarstvennyi istoricheskii archiv (RGIA) [Russian State Historical Archive (RGIA)]. Fund 821. Inventory 2. File 73 (in Russian).

RGIA. Fund 821. Inventory 2. File 79 (in Russian).

RGIA. Fund 821. Inventory 128. File 153 (in Russian).

RGIA. Fund 821. Inventory 128. File 324 (in Russian).

RGIA. Fund 1276. Inventory 17. File 427 (in Russian).

RGIA. Fund 1282. Inventory 3. File 308 (in Russian).

RGIA. Fund 1282. Inventory 3. File 545 (in Russian).

RGIA. Fund 1284. Inventory 194. 1902. File 152 (in Russian).

RGIA. Fund 1284. Inventory 194. 1907. File 49 (in Russian).

RGIA. Fund 1284. Inventory 194. 1908. File 51 (in Russian).

RGIA. Fund 1284. Inventory 194. 1908. File 66 (in Russian).

Sankt-Peterburgskie Vedomosti [St. Petersburg Bulletin]. 1908. November 7 (in Russian).

Sankt-Peterburgskie Vedomosti [St. Petersburg Bulletin]. 1911. April 9 (in Russian).

Vladimirov A. P. *Istoriya raspolyachivaniya zapadno-russkogo kostela* [History of Depolonization of the Western Russian Kościół]. Moscow: an offprint from “Russkoye obozrenie”, 1896, 168 p. (in Russian).

Lithuanian Courier [Kurjer Litewski]. 1909. 22 lutego (7 marca) (in Polish).

Spustek J. *Poles in Petrograd 1914–1917* [Polacy w Piotrogrodzie 1914–1917]. Warszawa: Państwowe wydawnictwo naukowe, 1966. 466 s. (in Polish).

Статья поступила в редакцию: 09.05.2024

Принята к публикации: 22.02.2025

Дата публикации: 31.03.2025